

September
2019

NON PAPER

Атака дронов: к чему приведет очередной кризис на Ближнем Востоке?

**Возможна ли
анти-мягкая
сила?**

**НСО
открывает
новый сезон**

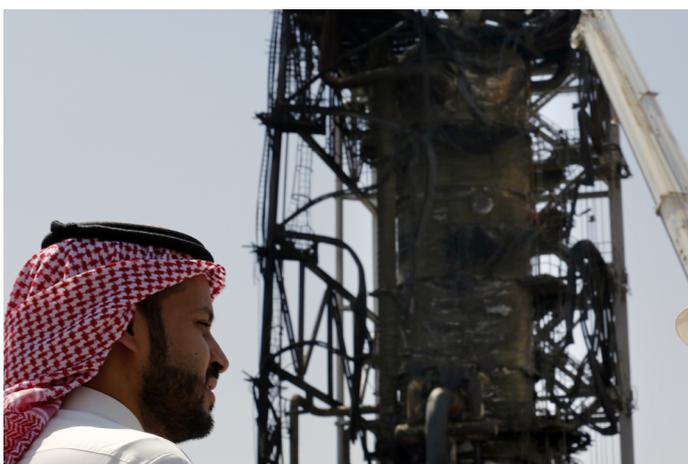
СОДЕРЖАНИЕ

В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ

Атака дронов: к чему приведет
очередной кризис на Ближнем Востоке?

Еремин Сергей

5

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Возможна ли анти-мягкая сила?

А. В. Фененко

11

ДИПЛОМАТИЯ

«Движение справа налево»
в правительстве Дании

Исаева Инга

19

НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Увольнение Джона Болтона:
«перезагрузка» или снова «перегрузка»?

Голикова Анна

8

АКТУАЛЬНО

Демократические выборы в Тунисе

Селезнева Анастасия

17

АРХИВ ФМП

Научное студенческое общество
открывает новый сезон

Цориева Зара

21

ОТ РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

Перед вами новый выпуск «Non Paper», в котором мы расскажем вам о самых важных событиях первого осеннего месяца.

Сентябрьский номер в октябре: немного удивительно, не правда ли? Дело в том, что изданию газеты вновь помешали проблемы с принтером на факультете. Но так или иначе, мы рады, что, вопреки всем трудностям, нам удалось все-таки напечатать «September 2019».

Мы надеемся, вас заинтересуют темы, которые наши журналисты осветили в данном номере. Конечно, вы наверняка уже в курсе многих событий, ведь в нашем переполненном информацией мире сложно сообщить именно «новость». Однако задача нашей газеты не в этом. Мы не сообщаем, мы анализируем. Мы не «гонимся»

за горячими фактами и не стремимся раньше всех рассказать о событии. Наши журналисты внимательно следят за всем происходящим на мировой арене, чтобы затем выделить самое важное и представить вашему вниманию комплексный разбор, анализ, прокомментировать экспертное и высказать свое мнение.

Именно по этой причине читать «Non Paper» полезно, ведь эта информация может пригодиться при работе на семинарах и, если смотреть в долгосрочной перспективе, расширить общий кругозор.

Кроме того, наше издание — это платформа для студентов, позволяющая приобрести навык написания статей, развить критическое мышление, аналитические и творческие способности. Выразить свою точку зрения, наконец. В процессе поиска материала и подготовки текста журналист узнает много нового, начинает

понимать ситуацию глубже и улучшает свои профессиональные знания. Поэтому, если вы чувствуете в себе силы принять участие в работе газеты, мы приглашаем вас в редакцию.

Заходите в нашу группу и заполняйте анкету! «Non Paper» ждет новых, талантливых и трудолюбивых авторов!

Руководство и сотрудники нашей редакции будут прикладывать все возможные усилия, чтобы издавать газету вовремя. Искренне верим, что проблем с печатью больше не будет.

Тем не менее обязательно оставайтесь с нами во «ВКонтакте», где мы публикуем все анонсы, объявления, а также дополнительные статьи

и другие интересные материалы. В конце октября мы готовим маленький сюрприз для наших подписчиков. Не будем раскрывать секреты раньше времени, так что следите за обновлениями в группе.

P.S.: О нашей эмблеме — кактусах — мы рассказывали в прошлый раз, но теперь у нашей редакции появился еще и девиз. О его смысле напишем в группе.

Carpe diem,

*Анастасия Батагова,
главный редактор «Non Paper»*

**Присоединяйтесь
к нашей группе
ВКонтакте!**
https://vk.com/nonpaper_official

NON PAPER

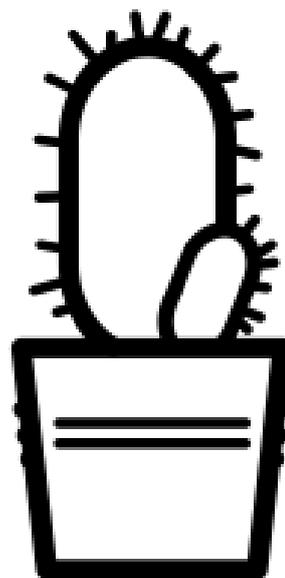
Главный редактор: **Анастасия Батагова**
Заместитель главного редактора: **Диана Хаджимурадова**
Художественный редактор: **Анна Сухарева**
Куратор: **Алексей Валериевич Фененко**
Корректура: **Валерия Бурдакова, Валерия Редина**

Журналисты: **Голикова Анна, Цориева Зара,
Селезнева Анастасия, Еремин Сергей,
Исаева Инга**

Вёрстка: **Анна Сухарева, Анастасия Батагова**

Фотографии: **фотоархив ФМП, личные
фотоколлекции студентов, интернет-источники**

Дата издания: 10 октября 2019 г.

Атака дронов: к чему приведет очередной кризис на Ближнем Востоке?

14 сентября 10 беспилотных летательных аппаратов атаковали два нефтеперерабатывающих завода Абкайк и Хурайс на территории Саудовской Аравии. Ответственность за нападение взяли на себя повстанцы-хуситы из шиитского движения «Ансар Аллах», базирующегося в Йемене. Существует и другая версия, согласно которой за этими атаками стоит Иран. Если его причастность к атакам на крупные нефтяные объекты Саудовской Аравии будет доказана, ситуация в этом все еще достаточно нестабильном регионе накалится до предела.

В ночь на 14 сентября два крупнейших саудовских нефтеперерабатывающих завода подверглись атаке неопознанных дронов, которая привела к масштабному пожару на территории объектов, в результате чего Саудовская Аравия была вынуждена приостановить работу всего нефтяного комплекса.

Следует отметить тот факт, что комплекс в Абкайке принимает нефть с гигантского соседнего месторождения Гавар (крупнейшего в мире), а также с месторождений Хурайс и Шайба, производя работы по стабилизации нефти, а не по ее переработке. После очищения от сероводорода, осуществляемого в процессе стабилизации, нефть можно сразу отправлять на экспорт. Более того, операционная мощность завода в Абкайке — пять млн баррелей нефти в день, что является колоссальным объемом (при суточной добыче во всем мире около 100 млн баррелей в день).

Уже на следующий день Саудовская Аравия заявила о сокращении нефтедобычи, что, предсказуемо, отразилось на рынке черного золота: цены на нефть марки «Brent» подскочили на 19 процентов (до 71 доллара за баррель). Несмотря на то, что в дальнейшем цены стабилизировались, нефтяной рынок пережил своеобразный шок. Саудовские власти заявляли, что к понедельнику (16 сентября) смогут восстановить только треть от прежних объемов нефтедобычи.

На помощь своему союзнику пришли Соединенные Штаты Америки, которые обещали использовать собственный стратегический запас нефти для стабилизации ситуации на рынке.

Таким образом, осуществленные 14 сентября атаки дронов стали самым крупным нападением на не-

фтяные объекты за всю историю Саудовской Аравии, что привело к дестабилизации на рынке энергоносителей и к возникновению международной напряженности.

Существует несколько версий о том, кто стоит за атаками дронов. Первая — повстанцы-хуситы, которые официально взяли на себя ответственность за нападение. Причиной атак, согласно заявлениям боевиков, стала продолжающаяся в Йемене гражданская война между хуситами и правительственными войсками, которых поддерживает международная коалиция во главе с Саудовской Аравией. Опровержением этой теории выступают выводы американских спецслужб, сделанные ими в результате собственного расследования. Согласно полученным данным, атаки на нефтяные комплексы в Абкайке и Хурайсе были произведены не с южного направления, где расположены позиции хуситов, а с северо-западного или северного, то есть со стороны Ирана и Ирака.

Госсекретарь США Майк Помпео открыто заявил о причастности к атакам дронов иранского происхождения. Однако Дональд Трамп не стал делать поспешных заявлений, решив дождаться результатов официального расследования, проводимого Саудовской Аравией.

19 сентября Министерство обороны Саудовской Аравии опубликовало отчет, в котором представлены конкретные доказательства причастности Ирана к атакам на саудовские нефтяные комплексы. Иранские власти же по-прежнему отрицают свое

участие в нападении.

Так или иначе, инцидент с дронами показал, что атака 14 сентября не может остаться безнаказанной. Уже сейчас разведки многих государств (в том числе России) помогают саудовским властям в поиске виновных. Более того, президент Российской Федерации Владимир Путин предложил Саудовской Аравии закупить новейшие российские комплексы ПВО С-400, однако реакция мирового сообщества все же будет зависеть от официального заявления саудовских властей по данному вопросу.

Как уже было сказано ранее, атака дронов на саудовские нефтяные комплексы является самой крупной в истории Саудовского Королевства. Даже недавний инцидент в Ормузском проливе нанес гораздо меньший ущерб мировому энергетическому рынку, чем события 14 сентября. В связи с этим сегодня мировое сообщество задается следующим вопросом: «Каким образом теперь будут развиваться события на Ближнем Востоке?». Эксперты выделяют два наиболее вероятных сценария.

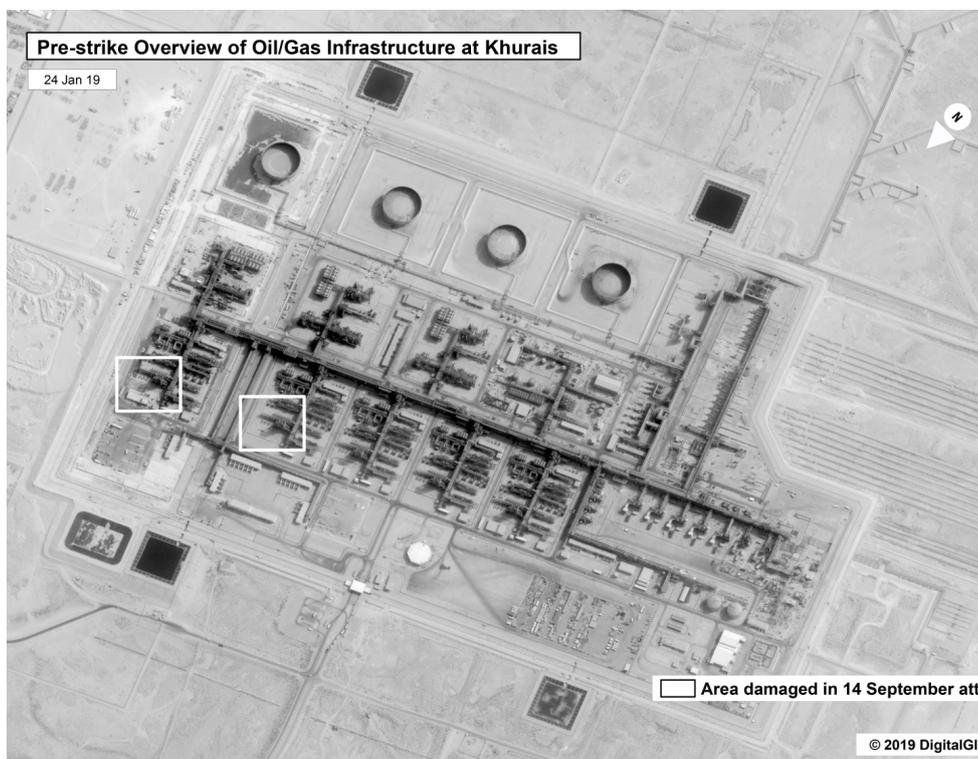
Первый и самый благоприятный вариант заключается в том, что данный конфликт будет «проглочен» международным сообществом, которое ограничится принятием нового пакета санкций в отношении Ирана. Саудовская Аравия восстановит прежние объемы нефтедобычи, а ситуация на мировом энергетическом рынке стабилизируется.

Согласно второй точке зрения, последствия осуществленных атак представляют угрозу безопасно-

сти не только для Ближневосточного региона, но и для всего мира. Соединенные Штаты потенциально могут объявить о начале масштабной военной операции на территории Ирана, в то время как Саудовская Аравия — возглавить коалицию, состоящую из держав Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), сформированную для военного противостояния Ирану. При таком раскладе Российская Федерация, вероятнее всего, выступит на стороне Исламской Республики Иран и будет оказывать ей всяческую поддержку. С учетом имплементации Ираном собственной ядерной программы, достижения которой остаются тайной для мирового сообщества, последствия подобного конфликта могут оказаться непоправимыми.

Данная проблема стала основной темой для обсуждения на заседании Совета Безопасности ООН, которое прошло 16 сентября. По прогнозам экспертов, это заседание должно было быть весьма информативным, однако никакого итогового решения не было вынесено из-за нехватки объективных данных. Постоянный представитель России при ООН Василий Небензя не исключил проведение экстренного заседания Совбеза по атакам на нефтяные объекты на территории Саудовской Аравии. «Исключать мы ничего не можем. У членов Совета Безопасности, как и у всех членов ООН, всегда есть возможность выступить с инициативой провести экстренное заседание СБ по той или иной теме», — отметил он в интервью ТАСС.

Несмотря на то, что Министерство иностранных дел Саудовской Аравии подтвердило использование при нападении оружия иранского производства, Тегеран в очередной раз заявил о своей непричастности к атакам на саудовские

нефтяные объекты. Министр иностранных дел Королевства Аделль аль-Джубейр в пятницу (20 сентября) сообщил журналистам, что власти страны уже проводят консультации со своими союзниками, обсуждая возможные варианты ответа на нападение. В контексте данных событий вооруженные силы США уже приведены в боевую готовность, однако возможности мирного урегулирования кризиса сохраняются и по сей день.

Еремин Сергей

Увольнение Джона Болтона: «перезагрузка» или снова «перегрузка»?

10 сентября 2019 г. президент Дональд Трамп отправил в отставку своего советника по национальной безопасности Джона Болтона. Сообщение об этом американский лидер опубликовал на своей странице в Twitter. По мнению американских СМИ, причиной увольнения стали разногласия по внешнеполитической линии в отношении КНДР, Афганистана и Ирана.

Нашумевший уход Джона Болтона с политической арены, конечно, породил множество рассуждений и прогнозов в отношении возможных изменений в американском политическом дискурсе. Однако прежде чем окончательно распрощаться с этой политической фигурой и отправить его на страницы истории, следует подробнее рассмотреть весь тот комплекс фактов, который привел к отставке Болтона.

Будущий советник по национальной безопасности начал интересоваться политикой еще в юности. В 1964 г., когда ему было всего 16, Болтон был активистом избирательного штаба кандидата-республиканца Барри Голдуотера, известного своими правоцентристскими взглядами. В своих мемуарах Болтон вспоминает, что во время учебы в колледже он часто чувствовал себя «чужим» среди ярых противников войны во Вьетнаме и уже тогда понял, что является убежденным консервативом. После завершения учебы в Макдоногском колледже в Мэриленде он получил стипендию для обучения в Йельском университете и в 1974 г. окончил юридический факультет.

Однако Болтон предпочел политическую карьеру работе юриста. В 1981 г. Джон Болтон начал работу в администрации республиканца Рональда Рейгана сначала как генеральный юрисконсульт, а в 1982-1983 гг. как заместитель администратора программного и стратегического планирования в Агентстве США по международному развитию. Джон Болтон продолжил занимать высокие посты и после окончания президентского срока Рейгана, при Джордже Буше-старшем, занимал должность помощника государственного секретаря по делам международных организаций, при Клинтоне в 1997 г. он стал старшим вице-президентом в Американском институте предпринимательства.

Пробираться к верхним эшелонам власти Болтон начал во время президентства Джорджа Буша-младшего. В ходе президентских выборов 2000 г. Болтон был членом команды юристов при избирательном штабе будущего 43-его президента США, и уже в 2001 г. Болтон был назначен заместителем госсекретаря по контролю над вооружениями и международной безопасностью. В это же время за Болтоном, и прежде открыто заявлявшим о своих консерва-

прихода к власти объявил о выходе США из ядерной сделки. Поэтому для многих не было неожиданностью назначение Болтона на пост советника президента США по национальной безопасности в марте 2018 г.

Болтона считают сторонником отмены приказа Трампа о выводе войск из Сирии. Также Болтон поддерживал попытки переворота в Венесуэле и сорвал второй саммит США — КНДР, в ходе которого он настаивал на ядерном разоружении,

предполагавшем безоговорочную сдачу Пхеньяном ядерного оружия.

Помимо этого, Джон Болтон всегда занимал агрессивную позицию в отношении России. Еще до своего назначения, после первой встречи Дональда Трампа и Владимира Путина 7 июля 2017 г., Болтон обвинил российского президента во лжи. В 2018 г. он призвал дать «решительный ответ» в связи с делом экс-сотрудника ГРУ Сергея Скрипаля, а также ввести более жесткие антироссийские санкции, поскольку, по его мнению, Россия вмешивалась в американские выборы 2016 г. Кроме того, американские СМИ называют Болтона инициатором выхода США из Договора о

ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД) и идеи замещения российско-американского Договора по сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) новым соглашением с участием Китая.

В то же время в 2019 г. ряд американских СМИ сообщил о нарастании разногласий между

тивных взглядах, закрепилась репутация «ястреба» — сторонника радикального подхода к военным вопросам, вплоть до их силового решения. Болтон был сторонником жесткого подхода во взаимоотношениях с Ираном, КНДР и Россией. Он неоднократно называл себя «четким и последовательным сторонником жесткой рейгановской внешней политики», которая устанавливает мир с помощью силы. Болтон активно выступал за вторжение в Ирак в 2003 г. даже после того, как появилась информация, что данные о наличии у Багдада оружия массового уничтожения оказались ложными.

Когда в 2016 г. Дональд Трамп стал президентом, Джон Болтон был советником финансовой компании Freedom Capital Investment Management и комментатором консервативного канала Fox News.

Следует отметить, что Трамп и Болтон по некоторым вопросам занимали общую позицию. К примеру, в 2015 г. Болтон высказывался против заключения соглашения по ядерной программе Ирана, а Трамп после

Donald J. Trump
@realDonaldTrump

I informed John Bolton last night that his services are no longer needed at the White House. I disagreed strongly with many of his suggestions, as did others in the Administration, and therefore....

08:58 - 10 сент. 2019 г.

Donald J. Trump
@realDonaldTrump

...I asked John for his resignation, which was given to me this morning. I thank John very much for his service. I will be naming a new National Security Advisor next week.

08:58 - 10 сент. 2019 г.

президентом и его помощником. По данным ТАСС, противоречия между Трампом и Болтоном возникли из-за КНДР: в мае 2019 г. помощник президента заявил о необходимости ввести санкции в ответ на запуск ракет малой дальности. Трамп, наоборот, сейчас пытается пойти на улучшение отношений с КНДР: переговоры между США и Северной Кореей на рабочем уровне могут возобновиться в течение нескольких недель, отмечает Центральное телеграфное агентство Кореи. Также ранее южнокорейская газета «Чунан Ильбо» сообщила, что Трамп получил приглашение посетить Пхеньян от Ким Чен Ына и предложение провести встречу на высшем уровне.

10 сентября 2019 г. президент Трамп написал в Twitter, что «сильно не согласен со многими предложениями Болтона», хотя ранее отрицал существование серьезных разногласий, отмечая, что «Болтон делает отличную работу». Сам Болтон заявил, что самостоятельно принял решение оставить пост. Однако на следующий день американский лидер раскрыл свои претензии к советнику. По словам Трампа, Болтон занимал неверную позицию по вопросу Венесуэлы, не ладил с важными людьми в Белом доме и оскорбил лидера Северной Кореи Ким Чен Ына, предложив ему действовать «по примеру Ливии» в сдаче своего ядерного арсенала. Эти данные как раз подтверждают вышеизложенное мнение экспертов.

После ухода Болтона многие сразу же стали говорить о том, что в отношениях России и США снова наступит «перезагрузка». Этот термин появился благодаря Джозефу Байдену еще в 2009 г. после

прихода к власти Обамы. Отставка Болтона породила разговоры о том, что Трамп стремится к улучшению отношений не только с КНДР, но и с Россией. Так, глава комитета Совета Федерации по международным делам Константин Косачев считает, что с отставкой Болтона могут возрасти шансы на продление Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3).

Однако есть и те, кто считает, что увольнение Болтона не будет иметь никаких положительных последствий. По мнению зампреда комитета Госдумы по международным делам Алексея Чепы, отставка является плохим симптомом, так как под вопрос будут поставлены договоренности, достигнутые во время работы Болтона.

Трамп уже установил своеобразный рекорд: он назначил четвертого советника по национальной безопасности за неполные три года пребывания у власти. На днях стало известно, что эту должность получил Роберт О'Брайен, который разделяет консервативные взгляды Джона Болтона. В 2005 г. О'Брайен работал вместе с Болтоном, когда тот занимал должность постоянного представителя США при ООН. Однако О'Брайен выражает свою точку зрения более сдержанно, чем Болтон, любитель громких заявлений. В то же время на данный момент сложно предсказать, какую позицию во внешней политике займет новый советник, но скорее всего, как уже заметил госсекретарь Майк Помпео, Роберт О'Брайен будет советовать руководству США действовать «с позиции силы», что исключает любую вероятность возрождения политики «перезагрузки».

Голикова Анна

Возможна ли «анти-мягкая сила»?

Написать эту статью меня побудило одно интересное обстоятельство. До настоящего времени практически неизученной остается возможность противодействия «мягкой силе» (МС). В данном случае не так важно, понимаем ли мы под «мягкой силой» способность государства привлекать других или набор манипулятивных технологий, призванных разрушить определенное государство — например, с помощью «цветных революций». В любом случае неизбежно возникает вопрос: а существует ли «анти-мягкая сила» как некий набор средств и технологий, призванных защитить государство от внешнего воздействия?

Такой перекокс вполне объясним. Ведь для изучения «анти-мягкой силы» необходимо отказаться от идеологии политической корректности и поставить целый ряд неудобных, но неизбежных, исследовательских вопросов. Однако при изучении «меча» (каковым на сегодняшний день является теория «мягкой силы») неизбежно встает проблема изучения «щита» (каковой теоретически должна стать теория «анти-мягкой силы»). Поэтому в данной статье я постараюсь описать данную проблему исключительно с научной точки зрения, отказавшись от каких-либо политических или идеологических предпочтений.

Эффективна ли «мягкая сила»?

«Анти-мягкая сила» не тождественна при этом информационному противоборству или контрпропаганде. Речь идет не просто о защите своего информационного пространства от враждебных действий. По Дж. Наю «мягкая сила» — это «способность добиваться желаемых результатов в отношениях с другими государ-

ствами за счет привлекательности, а не принуждения или подкупа». Соответственно «анти-мягкая сила» будет способностью снижать привлекательность других субъектов и блокировать их способность добиваться за счет этого желаемых результатов. Теоретики мягкой силы, американские политологи Норман Анджелл и Джозеф Най, понимали под ней способность государственного актора формировать предпочтения других акторов, используя собственную привлекательность в их глазах. «Сила — это способность изменять поведение других для получения того, чего вы желаете. Основных способов для этого имеется три: принуждение (палка), плата (морковка) и притягательность (мягкая сила)», — уточнил позднее Дж. Най. Такая концепция строится на двух спорных методологических посылах.

Первая: предполагаемый адресат заинтересуется вашим рассказом и попытается посмотреть на вашу страну позитивно. Между тем, реакция на этот рассказ может быть самой различной и не обязательно

позитивной — от желания уберечь своих граждан от контактов с актором-транслятором до всплеска завистливой ненависти к более успешному конкуренту. (Как это было, например, в императорской Германии по отношению к западным державам).

Вторая: адресат мягкой силы захочет перенять достижения более успешного респондента, а не уничтожить его силовым путем, например, с целью забрать себе его богатства. (Тот феномен, который в учебниках истории называется «борьбой за передел мира»). Иначе говоря, МС хороша против противника, дорожающего существующим мировым порядком, но не против врага, нацеленного на его слом.

Любопытен и набор способов изменить поведение оппонента, предложенный Дж. Наем. «Палка» предполагает, что у противника нет аналогичной палки, которую он способен применить в ответ. «Морковка» означает, что противник готов взять плату, а не рассматривает способ уничтожения актора-транслятора. «Притягательность» возможна, если оппонент готов воспринять твое превосходство, а не отрицает его с порога. Респондент применения мягкой силы должен принять предложенные ему правила игры. Если он их не принимает, то три способа навязывания ему силы будут бессильны.

Приведу интересный пример. В XVIII в. военным и культурным гегемоном Европы была Франция. Однако на англичан, живущих от нее через Ла-Манш, «шарм» французской культуры никак не действовал, а, скорее, вызывал, презрительное отношение. Британская элита, в отличие от элит континентальной Европы, не желала говорить на французском языке и демонстративно отвергала французский классицизм, противопоставляя ему свою культуру «средневекового романтизма». Для британских средних слоев все французское было предметом карикатур и насмешек. Британские элиты, несмотря на внутренние распри, видели во Франции однозначного врага, с которым невозможен *modus vivendi*. Поэтому французам ни разу не удалось организовать «дворцовый переворот» в Великобритании, как они успешно делали это в остальной Европе и на Востоке.

Именно здесь кроется интересный парадокс американской концепции МС. Соединенные Штаты еще никогда не имели дело с культурой, которая изначально отвергала бы их как таковых. Вернее, имели один раз: императорская Япония, конфликт с которой у США тянулся сорок лет — от окончания Русско-японской войны до конца Второй мировой войны. Японское общество так и не простило США заключения неравноправного Канагавского договора 1854 г. и было настроено на устранение американцев с Тихого океана. В этом смысле оно отличалось редкой однородностью в противостоянии США. Правда, американцы и не использовали МС в отношении Японии. Обе стороны сделали ставку на силовой конфликт, и Соединенные Штаты решили для себя проблему оккупацией Японии, а не воздействием на ее общественное мнение. Советский Союз ни в коей мере не был для США

подобным противником. Вся концепция «сдерживания коммунизма» строилась на базовом постулате Дж. Кеннана, что советское общество не хочет новой большой войны. Советская пропаганда преподносила холодную войну как противостояние двух систем, а не двух народов. Ни один советский генеральный секретарь не призвал «поквитаться с Америкой» за Карибский кризис или Ближний Восток. Советское общество также никогда не испытывало ненависти к США и американцам — вроде той, что была у немцев и французов до Второй мировой войны. В пиковые кризисы холодной войны в советских городах не проводились демонстрации с сожжением макета Белого дома или призывами похода «на Вашингтон!», а на гостиницах и ресторанах не появлялись надписи вроде «Янки не обслуживаются». Советские СМИ никогда не радовались гибели американских солдат, а в советских кинотеатрах не шли фильмы о победе в будущей войне с США. (Как, например, знаменитый советский фильм «Моряки» 1939 г., рассказывающий о победе СССР в будущей войне с Японией).

Советское общество (прежде всего интеллигенция и группы партийной элиты) увлекалось американскими товарами, американской культурой и американским образом жизни. Советские аналитические центры — ИМЭМО АН и Институт США и Канады АН — знакомили советских читателей с американской литературой под видом «критики буржуазных концепций». Советская интеллигенция ловила американские радиоголоса, не испытывая при этом никакой ненависти к США при прослушивании негативной информации о своей стране. Советские граждане мечтали достать американские джинсы и пластинки с американским роком, а не испытывали прилива ненависти от их вида. (Интересный момент: в 1930-х годах быть похожими на немцев в СССР не хотел практически никто).

Полноценного антиамериканизма ни в СССР, ни в современной России еще не было. Об этом свидетельствуют взрывы негодования на многочисленных интернет-форумах в обсуждениях новостей из США. Это негодование, что американцы ведут себя не так, как хотелось бы нам, а не холодная ненависть к ним. В состоянии ненависти под заявлениями Трампа или Госдепартамента не было бы ни одного комментария. («Какая разница, что говорит мой враг, если я желаю ему смерти?») Напомню, что в СССР мало возмущались заявлениями немецкого руководства в 1930-х гг. Отношения на официальных встречах отличались демонстративной вежливостью и практическим отсутствием неформального общения. Не вели дискуссий немцы и с англичанами накануне Первой мировой. Вопрос о столкновении был решен, а убеждать врага в своей правоте — занятие бессмысленное.

Однажды мне довелось прочитать в Интернете юмористический фельетон с глубоким смыслом «Если бы СССР был бисмарковской Германией...» По сюжету на переговоры по разрядке в США приехали «щеголеватые советские офицеры со стеками». При виде американских коллег они говорили друг другу сквозь

зубы: «Барон, я ненавижу янки не меньше вас и надеюсь устроить им кровавую баню». Или: «Вам не омерзительны, граф, их варварская музыка и мода?» При выражении американских озабоченностей «русские» цедили сквозь зубы: «Что дальше?» или просто что-то молча помечали в блокнотах. Вывод был интересным: «Тут сошлись два Бога». Кем-кем, а «богом» ни советская элита, ни советское общество в холодной войне себя не ощущали, в отличие, кстати, от раннего СССР 1920-х гг.

Американская МС пришла в СССР в нейтральную или даже благоприятную среду. Она не переформатировала врага, а только меняла мировоззрение колеблющихся или находила поклонников среди тех, кто настроен позитивно. В этом отношении интересно негодование американских исследователей в отношении «острой силы» (sharp power). Американские исследователи Кристофер Волкер и Джессика Людвиг [4] определили ее как форму внешнеполитической деятельности авторитарных режимов, предполагающую использование средств манипулирования общественным мнением в демократических странах и направленная на подрыв их политических систем. Такое определение вызывает улыбку не только из-за своего подросткового мироощущения «нам можно, а им нельзя». Эту теорию могли создать только в стране, которая практически не сталкивалась с настоящим полноценным врагом, отвергающим ее как таковую.

Зато опыт применения МС со стороны СССР был менее позитивен, о чем свидетельствует история соцлагеря. Волнения пошли не тогда, как уровень жизни в СССР и странах социализма снизился, а с самого начала. 1949 год — отпала Югославия; с 1953 по 1957 гг. — весь соцлагерь был охвачен выступлениями, а в Венгрии советская армия провела не полицейскую, а полноценную боевую операцию. С осени 1956 г. советское руководство не верило в надежность соцлагеря на случай новой войны в Европе. «Бархатные революции» 1989–1990 гг. подтвердили, что все усилия СССР воспитать лояльную ему элиту за тридцать лет так и не дали результата. Поляки и чехи в 1990 г. оказались в большинстве настроенными латентно антисоветски также, как и в 1956 г.

Можно было бы списать все это на «советский режим», но вот беда: до Второй мировой войны все перечисленные страны составляли «санитарный кордон» против СССР. Большинство из них признали СССР только в 1933–1934 годах, да и то под давлением Франции. Внешняя политика этих стран также оставалась антисоветской: большинство из них, кроме разве что Польши и Чехословакии, были союзниками Третьего Рейха, сопротивляясь до конца. (Впрочем, Польша между 1934 и 1939 гг. также имела почти союзнические отношения с Германией). Даже создав социалистическое содружество и поставив у власти коммунистов, СССР не переломил глубинный антисоветский настрой этого региона.

В современном мире нет практического опыта превращения с помощью МС враждебного общества в дружественное. Пока МС успешно приходила только в

среду, где ее ожидали или, как минимум, не отвергали. Но если признать этот вывод, то становится очевидным: МС можно противостоять.

Вариант первый: парадокс шовинизма

Французский социолог Серж Московичи в работе «Век толп» (1981 г.) попытался сконструировать общество, абсолютно неуязвимое к МС, включая пресловутые цифровые технологии. Результат ошеломил самого автора, и не позволил ему до конца нарисовать свою картину. «Совершенно неуязвимый» для МС народ должен, как следует из книги, обладать следующими характеристиками:

- видеть себя как центр мироздания, относясь к другим народам с чванливым высокомерием;
- воспринимать войну как нормальное и естественное состояние бытия;
- смотреть на более успешные нации с чувством зависти и ненависти, а не видеть в них эталон для подражания;
- иметь развитую культуру исторической памяти и экзальтации своих обид;
- не воспринимать никакую критику со стороны иностранцев, видя в ней недопустимый акт враждебности.

К подобным выводам пришел еще раньше русский философ Н.А. Бердяев. Описывая немецкое общество времен Первой мировой войны в статье «Религия германизма», он указывал: «Германские идеологи сознают германцев создателями и хранителями центрально-европейской культуры. Францию, Англию, Италию, Россию ощущают они окраинами Европы. (...) Дух тевтонской гордости пропитал всю германскую науку и философию. Немцы не довольствуются инстинктивным презрением к другим расам и народам, они хотят презирать на научном основании, презирать упорядоченно, организовано и дисциплинированно». Можно спорить с тем, насколько точно Бердяев описал Германию того времени, но можно согласиться с тем, что перед нами — описание культуры, абсолютно непроницаемой для воздействия чужой МС. Такую культуру можно сокрушить войной, но ей нельзя «понравиться примером».

Раскол здесь проходит отнюдь не по линии «авторитаризм — демократия». Демократический характер Великобритании никогда не мешал английскому обществу видеть себя «квинтэссенцией прогресса» и воспринимать другие народы как более «отсталые» по сравнению с собой. Авторитарный режим СССР не мешал советской столичной интеллигенции восхищаться США и американским образом жизни. В российском обществе расизм и шовинизм всегда воспринимались как показатели низкой культуры. Любопытно, что многие немецкие философы — люди энциклопедического образования и высокой культуры — были при этом крайними расистами и националистами.

На первый взгляд можно согласиться с Н.А. Бердяевым и С. Московичи: идеальной «анти-мягкой силой»

выступает, как ни горько признать, шовинизм. Он представляет собой идеологию национального превосходства с целью обоснования права на дискриминацию других народов. В основе шовинизма лежит отрицание общечеловеческих ценностей и признание только ценностей национальных. Шовинизм отличается от простого национализма, поскольку отвергает не только права другого народа, но и народ как таковой: провозглашает обязательную ненависть к его культуре, обычаям, образу жизни и мировоззрению. Отвергает даже возможность позитивных межличностных контактов с представителями враждебного народа — например, шовинисты крайне негативно относятся к межнациональным бракам, видя в них акт предательства собственной страны. Но главное, шовинизм создает в обществе дискурс нетерпимости, выражающийся в подозрении к собственной власти, если она начинает диалог со страной, настроенной враждебно, и недоверии к соотечественникам, имеющим личные контакты с представителями другой страны.

Иногда можно услышать мнение, будто «век шовинизма» миновал со Второй мировой войной. Такой вывод, думаю, преждевременен: современные информационные технологии могут возродить его даже в более жестком формате, чем это было в конце XIX века. Некоторые общества вполне могут прибегнуть к этому средству как серьезной защите от чужой МС. Однако шовинизм как анти-мягкая сила имеет три ограничения.

Во-первых, такое общество не может долго существовать в мире: его негативная энергия неизбежно потребует выхода в виде войны.

Во-вторых, шовинистическое общество не способно проецировать свою МС: у соседних народов он может вызывать только отторжение и ненависть.

В-третьих, при современном развитии информационных технологий сам шовинизм может становиться манипулятивным объектом. Опыт «цветных революций» доказывает, что с помощью определенных технологий можно выращивать шовинизм малых и средних стран, натравливая его на стратегических конкурентов. Подобный «манипулятивный шовинизм» будет порождением чужой МС и использован ей в своих интересах.

Вариант второй: альтернативный проект

Другой вариант «анти-мягкой силы» — создание позитивного идеологического проекта, альтернативного чужой МС. Иначе говоря, противопоставить чужой МС свою идеологию. Классическим примером был СССР примерно до Второй мировой войны: после создания в 1919 г. Коминтерна он выступал глобальной левой альтернативой создающемуся Версальско-Вашингтонскому порядку. (Даже выдвинутый Сталиным в 1924 г. тезис о «построении социализма в одной, отдельно взятой стране» не менял сути дела:

все равно речь шла о построении альтернативы всем существовавшим на тот момент государствам). Сегодня идеологической альтернативой американской МС выступает Иран после Исламской революции 1979 г. — независимо от того, как мы оцениваем этот проект. В обоих случаях речь шла не просто о неприятии отдельных компонентов МС противника, а о создании ей альтернативы.

Кстати, специфика американской МС заключается в том, что сами США выступают идеологизированным государством. Еще американский историк Артур Шлезингер показал, что США изначально позиционировали себя как мессианское государство свободы — преемника Древнего Рима. «Американцам трудно понять, почему другие страны не хотят скопировать практики и институты, доказавшие свое преимущество в США, — писал об этом российский политолог Алексей Богатуров ... — Стремление “обратить в демократию” против воли обращаемых (в Ираке и Афганистане) — болезненная черта американского мировосприятия. Ирония по этому поводу вызывает в Америке недоумение или холодную отстраненность» Именно эта «идеологичность» и делает сами Соединенные Штаты мало уязвимыми для чужой МС.

Можно ли нейтрализовать чужую МС альтернативным идеологическим проектом? Теоретически да, но только при наличии нескольких условий.

Прежде всего, такой альтернативный проект должен нести в себе колоссальный энергетический заряд. Иначе говоря, он должен предлагать полноценную идеологическую альтернативу другому проекту, дающую всеобъемлющее объяснение настоящему. (По логике: «пусть мы живем хуже, но мы строим новое общество»). Таким проектом был, например, ранний коммунизм в СССР, ибо он постулировал создание всеобъемлющей альтернативы старому миру. Но им не был, например, французский голлизм, который имел претензии к американской гегемонии преимущественно в отдельных сферах, прежде всего, культуре.

Именно здесь (а вовсе не в неэффективности советского руководства), полагаю, следует искать причины неудач использования советской МС. Социализм хорошо утвердился в странах, где люди сами воевали за свой социализм: СССР, Китай, КНДР, Куба, Югославия. (Хорош он был или плох — другой вопрос). Но он очень плохо приживался в странах Восточной Европы, где население считало его чем-то навязанным извне. В первом случае народы считали его «своим»; во втором — считали «чужим». Народ должен принять альтернативный проект как основу; иначе альтернативный проект обречен на пробуксовку.

В альтернативный проект должны верить его участники. Более того, их вера должна быть искренней и нацеленной на активное преобразование реальности. Здесь уместно процитировать советского писателя А. Рыбакова, писавшего о жителях СССР начала 1930-

х годов: «Они могли спорить, ссориться, но были непоколебимы в том, что составляло смысл их жизни: марксизм — идеология их класса, мировая революция — конечная цель их борьбы, Советское государство — несокрушимый бастион международного пролетариата (...) Их сердца наполнялись гордостью. Вот она, их страна, ударная бригада мирового пролетариата, оплот грядущей мировой революции. Да, они живут по карточкам, отказывают себе во всем, зато они строят новый мир». Если же такой проект подается как нечто искусственное, навязанное сверху, то у него мало шансов устоять против другого полноценного идеологического проекта.

Любопытная деталь: в годы холодной войны КГБ требовало от выезжавших за рубеж советских граждан вступать как можно реже в контакты с иностранцами. В 1920-х годах, напротив, преобладал подход «вступайте за границей в дискуссии и побеждайте в них!» В первом случае господствовала пассивная оборона; во втором — активное наступление. Неудивительно, что в годы холодной войны СССР глушил западные радиоголоса, а до Второй мировой войны — Запад (включая США) глушил радиостанции Коминтерна.

Альтернативный идеологический проект в известном смысле сложнее шовинизма. Он должен транслировать позитивные и доступные образы, а не только культивировать ненависть. В противном случае он лишается своей привлекательности. Происходит то, о чем писал российский искусствовед Александр Генис: «С тех пор как внешнее вытеснило внутреннее и мир надел джинсы, у коммунизма не осталось шансов». Возникает проблема сохранения позитивной привлекательности не разово, а на временную перспективу.

Но найти «анти-мягкую силу» всегда сложнее, чем средства МС. Одним из слагаемых успеха американской МС в годы «холодной войны» было предложение молодежи лево-либерального проекта через коммерческую масс-культуру. Он оказался удачен благодаря трем компонентам:

- высокий уровень личной свободы («делаю что хочу, и никто мне не авторитет»);
- низкий уровень требований к респонденту (например: «играю, как хочу и мало ли, что мастера прошлого играли лучше»);
- возможность ведения расслабленного образа жизни («учусь хоть до 40 лет и ощущаю себя юным»).

Для нейтрализации этого проекта СССР требовалось его не ограничить, а превзойти, что само по себе очень серьезная задача. Разумеется, теоретически контрпроект можно было найти — например, за счет героизации облика участников локальных конфликтов, которые из раза в раз беспощадно побеждают в боях детей масскульта. Но такой вариант требовал от позднесоветского общества потенциала мобилизации, которого оно с конца 1950-х годов уже не имело.

Альтернативный проект также не должен знать крупных неудач, которые привели бы к переоценке цен-

ностей его участниками. Одной из причин идеологического кризиса советского проекта стали XX съезд (1956) и отставка Н.С. Хрущева (1964). Дело было не только в осуждении конкретных политических фигур, хотя и оно было важным. В первом случае сама партия осудила 30 лет своей истории; во втором — следующие десять лет. Для легитимизации КПСС оставался только туманный «Ленинский период», хотя и он подавился искаженно без упоминаний о Л. Троцком. Возникла опасная ситуация, когда история партии нелегитимна с точки зрения самой партии. Это само по себе способствовало распространению в советской элите циничного отношения к своей идеологии.

Противостоять МС с помощью альтернативной идеологии вполне можно. Но это потребует создания идеологии с мощным энергетическим потенциалом, ее принятия населением и наличия элиты, готовой ее распространять. Иначе говоря — некоторой формы мобилизации. Причем как технической, так и духовной.

Вариант третий: техническое противодействие

Последний вариант противостояния МС на первый взгляд может показаться самым неинтересным: мол, запрещать — всегда ставить себя в проигрыш. Отчасти это действительно так. Однако современные технические средства стали выходить на качественно иной уровень, когда сами могут выступать средством противодействия МС.

Пионерами в области защитных информационных технологий выступали США. В период «великого страха» 1920-х и 1930-х годов они приняли ряд законов, ограничивающих возможность деятельности Коминтерна на своей территории. Важнейшими из них были «Закон о радио» (1927) и «Закон о регистрации иностранных агентов» (1938). В 1940 г. последовал более жесткий «Акт о регистрации находящихся под контролем иностранных государств организаций, осуществляющих политическую деятельность в США». Меры информационного противодействия, используемые СССР в годы холодной войны, во многом были созданы по американской модели. Это направление не потеряло своей актуальности до сих пор. Напомню, что американский «PATRIOT Act» 2001 г. предоставил Департаменту внутренней безопасности право на превентивную цензуру в области отслеживания угрозы терроризма.

Гораздо интереснее наступательные информационные технологии. Здесь за минувшие годы возникло как минимум четыре направления, с помощью которых можно бороться с МС противника.

1. Создание информационной альтернативы. Пионером здесь выступила Россия, создавшая глобальные системы информационного вещания «Russia Today» и «Спутник». Попытка оказалась настолько успешной, что США и Великобритания стали активно противодействовать их деятельности. Но противодействие

всегда поднимает популярность того, кому противодействует. Все большая аудитория будет стремиться обратиться к ним — по логике «а что там, собственно, такое говорится, если это запрещают?» Попытки в этой сфере предпринимает и Китай. Лишение оппонента возможности информационного доминирования само по себе сужает его ресурсы для распространения МС.

2. Контроль над сегментами Интернета. До середины 2000-х гг. американцы изображали эту меру как «самозащиту авторитарных режимов». Имелась ввиду практика блокировки ряда сайтов и социальных сетей в Китае, странах Центральной Азии, арабских государствах и т.п. Но в 2010-х гг. сами страны Запада стали активно использовать эту практику: достаточно вспомнить законодательные инициативы в США о «борьбе с российским вмешательством в выборы». Речь в данном случае идет не об ограничении информации оппонента, а, скорее, об облегчении формирования собственной картины мира.

В пылу дискуссий о «российском вмешательстве в американские выборы» часто забывается важный вопрос: «Что же происходит с американским обществом, если на него могут воздействовать какие-то иностранные хакеры?» В старом обществе прошлого века вопрос о создании «фейковых аккаунтов» сам по себе вызвал бы смех по логике «не нравится — не читай». Гражданин информационно защищенного общества просто отвергнет не нравящийся ему пост. Как утверждал немецкий философ Иммануил Кант, «таково свойство неверия: оно подвергнет сомнению сами предъявленные факты». Похоже, что теперь «логика Канта» перестает действовать. Информация становится настолько сильной, что активно ищутся пути противодействия нераспространению.

3. Переформатирование дискуссий. Эту технологию в свое время хорошо освоили американские аналитические центры. В ходе дискуссий вполне допускается критика оппонента, но в заранее определенном ключе. (Например, можно критиковать США за «чрезмерное применение силы» в Ираке, но в пылу дискуссии уходит в сторону сам вопрос о том, а кто, собственно, дал США право применять силу за пределами своих границ). Но при определенных условиях такое перепрограммирование дискуссии можно использовать и против самого транслятора МС. Для этого следует подвергнуть сомнению базовые послышки его дискурса, например, усомниться в его праве выступать примером.

Для транслятора МС наиболее болезненным ударом будет сомнение в его моральном авторитете. Разрушение его дискурса производится, как правило, двумя путями. Первый — постановка вопроса о том, «а кто вы такой, чтобы выступать авторитетом?» Второй —

навязывание оппоненту дискурса об относительности его моральных норм в чеховской логике «никто не знает настоящей правды». В этом случае транслятор МС должен будет перейти из позиции наступления в позицию обороны. Однако для этого нужны 1) наличие у оппонента МС мощного информационного оружия; 2) его готовность не принимать блага транслятора МС или переформатировать их в свою пользу.

4. Маргинализация оппонента. Технология информационной защиты от МС может быть успешной при условии выполнения определенной схемы. Главное только помнить, что МС — это инструмент борьбы за колеблющихся, а не переубеждения врагов. Первый этап — максимальное привлечение на свою сторону колеблющихся. Второй — разделение врагов на умеренных и радикалов и заключение соглашения с первыми. Третий этап — неизбежно наступающий вслед за этим раскол среди радикалов, где пример встроенных в систему умеренных сам по себе провоцирует часть радикалов к поиску соглашения. Только на четвертом этапе происходит окончательная маргинализация наиболее непримиримых противников и создаются предпосылки для их уничтожения.

Пока информационные технологии «защиты» на порядок уступают технологиям нападения. Но технологии информационного противодействия постепенно совершенствуются, и соотношение между МС и «анти-мягкой силой» может начать выравниваться. Тренд 2010-х годов — медленный распад «глобального информационного пространства» на национальные сегменты. Это неизбежно повысит контролируемость информационных ресурсов со стороны государств.

Все сказанное — только первые наброски к началу дискуссии об «анти-мягкой силе». Эта тема пока находится в зачаточном состоянии и только делает первые шаги. Однако уже сейчас можно сделать вывод, что «анти-мягкая сила» требует наличия мощных мобилизационных технологий. Без них она обречена быть серией информационных мер самозащиты, которые рано или поздно будут взломаны превосходящим противником.

Алексей Валериевич Фененко

Д.полит.н, доцент факультета
мировой политики МГУ имени
М.В. Ломоносова, эксперт РСМД

Демократические выборы в Тунисе

15 сентября 2019 г. состоялся первый тур вторых демократических выборов президента в Тунисе. Из 98 подавших заявки кандидатов в гонке остались профессор конституционного права Каис Саид и предприниматель Набиль Каруи. Второй тур должен пройти в течение месяца.

Этой осенью в Тунисе проходят выборы президента. Ранее событие было назначено на ноябрь, однако в связи с кончиной 25 июля президента Аль-Баджи Гаида ас-Себси, занимавшего президентский пост пять лет, выборы перенесли на 15 сентября. Подать заявку на участие в досрочных выборах можно было до 9 августа. По истечении данного срока Центральная избирательная комиссия (ЦИК) Туниса сообщила о 98 кандидатах, однако 30 августа был проведен отбор, по результа-

там которого к выборам были допущены лишь 26 из них. Согласно Euronews, два участника вышли из гонки накануне, отдав предпочтение министру обороны Абдель Кариму аз-Збейди.

Избирательные участки закрылись в 18:00 по местному времени (20:00 МСК). По данным ЦИК, явка составила примерно 35 процентов. Всего в Тунисе правом голоса обладают чуть более семи млн избирателей. В стране были организованы порядка 30 тысяч пунктов для голосования, охрану выборов обеспечивали около 70 тыс. сотрудников правоохранительных органов.

17 сентября ЦИК сообщила о результатах первого тура. Во второй тур досрочных президентских выборов в Тунисе прошли независимый кандидат, профессор права, Каис Саид, получивший 18,4 процентов голосов, а также медиамагнат Набиль Каруи, за которого проголосовали 15,6 процентов избирателей. В настоящий момент предприниматель находится в тюрьме. По сообщению РИА Новости, он был задержан за несколько недель до выборов по делу о неуплате налогов и об отмывании денег, возбужденному несколько лет тому назад. Второй тур должен состояться не позднее 13 октября.

Примечательно, что осенние выборы – вторые демократические выборы в Тунисе. В 2011 г. страну

охватила «жасминовая революция», катализатором которой стала публикация на сайте WikiLeaks документов, показывающих коррумпированность правящей элиты. В результате волнений был свергнут президент Зин эль-Абидин Бен Али. Четыре года в стране действовал режим чрезвычайного положения. В ноябре 2014 г. прошли первые демократические выборы президента. Тогда на пост был избран Беджи Каид Эс-Сбси.

Согласно конституции Туниса 2014 г., президент избирается на пять лет, не имеет абсолютных полномочий, а исполнительная власть в стране распределяется между ним и премьер-министром.

Селезнева Анастасия

«Движение справа налево» в правительстве Дании

В то время как в Европе в последние годы наблюдается «правый поворот», к власти в Дании приходят левые силы. Результаты выборов стали сюрпризом не только для датских политических партий, но и для всего Европейского союза.

Кто станет премьер-министром – напрямую зависит от результатов выборов в парламент. Премьер-министром в Дании назначается лидер партии большинства парламента с согласия королевы. В этом году в День Конституции, 5 июня, в стране прошли выборы в Фолькетинг (Датский парламент), в ходе которых победу одержала Социал-демократическая партия (Socialdemokratiet) во главе с Меттой Фредериксен (Mette Frederiksen), которая 27 июня вступила в должность премьер-министра Дании.

На фоне усиления правопопулистских партий по всей Европе, победа левых в Дании стала небольшим потрясением для правящих правоцентристских кругов. До июня 2019 г. партия Венстре (Venstre), которая является либерально-правоцентристской консервативной партией, занимала 34 депутатских места в Фолькетинге и возглавляла правящую коалицию «синий блок» с Датской народной партией (Dansk Folkeparti),

Консервативной народной партией (Det Konservative Folkeparti) и Либеральным альянсом (Liberal Alliance). По итогам прошедших выборов «красный блок» во главе с социал-демократами получил 52,1 процента голосов избирателей и 91 мандат, а «синий» только 41 процент и 75 мандатов. Такая ситуация предоставила возможность поменять правоцентристское правительство на противоположное — левоцентристское.

С 2015 г. лидер партии Венстре Ларс Лёкке Расмуссен (Lars Løkke Rasmussen) был премьер-министром Дании. Во время своего пребывания на посту он проводил неоднозначную политику и не раз подвергался критике со стороны Брюсселя. Самыми противоречивыми решениями правительства Расмуссена стали законы в области безопасности 2018 г.: «план гетто» и закон о запрете закрывать лицо в общественных местах. Кроме области безопасности, законы также касались политики интеграции мигрантов в Дании, так

как в первую очередь от их принятия пострадали мигранты незападного происхождения. После выборов в июне 2019 г. бывший премьер-министр стал членом комитета по внешней политике Фолькетинга, а также сделал заявление о том, что его партия [«готова к конструктивному и критическому противостоянию»](#) с новым правительством и парламентом.

До получения поста премьер-министра Метте Фредериксен занимала пост министра труда и юстиции в 2011—2015 гг. В 2015 г. она способствовала принятию программы «дерадикализации» исламских экстремистов в Дании. Во время своей предвыборной кампании в качестве приоритетных целей она называла увеличение социальных расходов, введение права на досрочный уход на пенсию и принятие мер по борьбе с изменением климата.

В конце июня Социал-демократическая партия подписала соглашение с партией Радикалов (Radikale), Социалистической народной партией (Socialistisk Folkeparti), партией Единства (Enhedslisten) об общем понимании политического направления работы правительства [«Справедливое руководство Данией»](#). Соглашение включает в себя как общие цели и направления работы будущего правительства, так и конкретные пути решения проблем. Большая часть документа посвящена вопросу миграционной и интеграционной политики страны, который являет-

ся краеугольным камнем для социал-демократов и других партий «красного блока», потому что партия большинства активнее других поддерживает политику ограничения миграционных потоков в Данию прошлого правительства. Следующей важной целью стала работа в области экологии. Правительство намерено добиться сокращения выбросов углекислого газа в атмосферу на 70 процентов. В то же самое время предвыборная идея о раннем уходе на пенсию не была отражена в документе.

Левоцентристское правительство приступило к работе в конце июня, а новый созыв Фолькетинга открыл свою сессию 1 октября.

На данный момент Дания является второй страной в Скандинавии после Швеции, где избрали левое правительство. Левоцентристы в скандинавских странах значительно укрепили свои позиции в отличие от континентальных стран Европы. Однако это не значит, что левые политические силы останутся надолго у власти. Весьма вероятно, что в ходе следующих выборов их сменят правые. Данная тенденция распространена среди стран Северной Европы и наблюдается не первый год.

Исаева Инга

Научное студенческое общество открывает новый сезон

В 2017 г. на факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова было создано Научное студенческое общество (НСО), которое с успехом продолжает свою насыщенную и плодотворную работу и сегодня. Инициатором и неизменным руководителем проекта является кандидат исторических наук Николай Вадимович Юдин. Для студентов факультета НСО уже по-настоящему стало тем местом, где дают дополнительные практические знания о современных проблемах в сфере международных отношений и помогают сделать первые шаги в самостоятельном анализе стратегически важных документов.

Прошлый сезон НСО отличился небольшими изменениями в формате проведения заседаний, команды пополнились новыми участниками в лице новоприбывших первокурсников, а регулярные встречи запомнились особенной атмосферой. Обе команды столкнулись со сложными и чрезвычайно интересными заданиями от экспертов, но стремление к победе и слаженная работа внутри коллектива позволили им справиться с поставленными целями и задачами.

Но чем же является НСО для самих участников? Об этом нам расскажут постоянные члены команд «Красные Орлы» и «Синие Драконы».

«20 сентября в пятницу прошла первая встреча НСО в этом учебном году, и я была рада вновь оказаться в кругу людей, разделяющих общие интересы и взгляды. Я надеюсь, что этот год будет продуктивным, и

наши команды пополнятся новыми ребятами, которые смогут получить новый опыт. В прошлом году мы работали с англоязычными источниками, сравнивали стратегии кибербезопасности Обамы и Трампа, разбирали военный конфликт в Сирии. Мы брали такие серьезные и сложные темы, в которых я сама, честно сказать, побоялась бы разобраться. НСО – это возможность перестать бояться сложностей, возможность научиться говорить и выступать, возможность встретить интересных людей, которые, так же, как и ты, стремятся к большему. В том году наша команда «Красных Орлов» одержала победу, и на первой встрече в сезоне мы получили кубок, но здесь важнее всего то, что нам удалось победить самих себя. Я очень жду новый сезон, который, я уверена, будет таким же ярким, интересным и сложным!» – рассказывает Анна Голикова («Красные Орлы»).

«Для меня НСО – это эксперты, которые учат тебя видеть насквозь доктринальные тексты и в доступных источниках находить недоступные неопытному глазу ответы», – отмечает Элина Джанибекова («Синие Драконы»).

«Даже пройдя экватор обучения бакалавриата, я все еще не перестаю убеждаться в том, какую важную роль играет первое впечатление и грамотно поставленная речь. Яркая и уверенная презентация «Синих Драконов» в прошлом году вызвала во мне бурю эмоций, с первых же минут я буквально влюбилась,

а уже спустя год не представляю себя вне НСО. За это время в НСО я смогла улучшить аналитические навыки, более того, появилось такое желанное ощущение осмысленности. Ни разу не возникло вопроса: а зачем я здесь? Я точно знаю, что мое место именно в нашей команде и что дальше будет лишь интереснее, продуктивнее и веселее!» – в свою очередь говорит Любовь Касьянова («Синие Драконы»).

«Для меня НСО – это мероприятие, где я могу провести время с друзьями, поработать в одной команде и посоревноваться с ними, получая огромное количество положительных эмоций, что очень важно. Также НСО развивает многие навыки: аналитическое мышление, работу в команде и ораторское искусство как приятный бонус», – утверждает Никита Латышев («Красные Орлы»).

Вадим Митькин («Красные Орлы»): «Об НСО я, как и все, узнал на первом курсе. После презентаций команд решил остановить свой выбор на «Красных Орлах», о чем нисколько не пожалел. Помимо искренности ребят, выступавших на презентации, мне запомнилась шуточная атмосфера, которая царила в команде. За прошедший год нами была проделана очень большая работа, которая помогла не только в развитии аналитического мышления, но и в расширении общего кругозора. Перевод доктрины кибербезопасности Трампа, сравнение этого документа с вариантом администрации Обамы, разбор поведе-

ния террористических организаций в течение всего конфликта в Сирии, а также лекции ведущих экспертов нашего факультета – те события, которые запомнились больше всего в прошлом сезоне НСО».

«Для меня НСО не просто организация. Это свобода мысли, возможность изучать важнейшие тренды международных отношений и выражать свое мнение, не всегда совпадающее с экспертами, но и не всегда неправильное», – говорит Владислав Козарев (капитан команды «Синие Драконы»).

«НСО стало для меня, в первую очередь, площадкой для размышлений над методами политического анализа, их практической имплементацией. Еженедельные встречи позволяют, во-первых, в достаточно плотном ритме благодаря экспертам разобраться в дискуссионной теме, во-вторых, освоить некоторые навыки работы с текстом. Так, внутри команды у нас есть выражение «подняться над текстом», что и

являлось долгое время для меня самым сложным и самым желанным навыком: посмотреть на проблему под другим углом, подняться над ней и разобрать в формате «тезис, антитезис, синтез», – делится с редакцией Полина Нестерова («Синие Драконы»).

«И наконец, НСО – это уникальная платформа, которая позволяет раскрыть свой потенциал практически», – спешит добавить Ольга Ляпкина («Красные Орлы»).

С одной стороны, НСО способствует развитию навыков исследовательской деятельности, анализа, ведения полемики и ораторского искусства. С другой стороны, это исключительная возможность выслушать экспертное мнение по определенной тематике. НСО – это для тех, кто хочет расширить свой кругозор и научиться работать в команде. А формат игры порождает азарт и желание участников добраться до самой сути вопроса, стимулируя их вовлеченность в процесс».

Напомним, что следующее заседание НСО откроет цикл обсуждений, посвященных проблеме формирования нового мирового порядка. Приглашаем присоединиться к научному движению всех студентов нашего факультета, которые хотели бы поближе познакомиться с особенностями и характером прикладной работы эксперта-аналитика в области международных отношений, лучше понять специфику той работы, с которой они решили связать свою жизнь.

Цориева Зара

